

Редин Дмитрий Алексеевич

д.и.н., г.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: landrat14@mail.ru

ЧТО ТАКОЕ «РЕГИОНАЛЬНАЯ СТОЛИЦА»? СТАТУС ЕКАТЕРИНБУРГА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

УДК 94(470.5)“17”

Не считая удачным применять к дореволюционным крупным городским центрам определение «региональные столицы», автор доклада приводит доводы, которые позволяют считать Екатеринбург от начала его функционирования городом и влиятельным региональным центром провинциального/ губернского уровня, отличавшимся от остальных лишь своим ведомственным подчинением.

Ключевые слова: Екатеринбург, город, В. И. Геннин, административно-территориальная структура, отраслевое подчинение

Понятие «региональная столица» («региональные столицы»), вынесенное в название научной конференции, посвященной 300-летию Екатеринбурга и Перми, конечно, является неологизмом, во многом обязанным своим появлением определенной моде. Моде, которая родилась, насколько можно судить, не в научной среде, а в публицистическом и отчасти региональном политическом пространстве в результате распада Советского Союза и активизации политических процессов на местах. Впрочем, возможно и наоборот: поиск региональными элитами аргументов в пользу своей самодостаточности и особой значимости, поиск оснований для своей уникальности и субъектности, особенно ярко проявившиеся в 1990-е гг. и не только в среде национальных автономий, стимулировали информационный шум по поводу «столичности» центра той или иной административной единицы в публичном пространстве во всех его сферах.

До начала 1990-х гг. ни о каких региональных столицах речи не шло. В Советском Союзе существовала единственная общесоюзная столица — Москва (даже Ленинград «второй столицей» называли редко и в основном в неофициальном контексте) и столицы Союзных республик. Административные центры областей и краев столицами не именовали; в некоторых случаях этот статус применялся в отношении центров автономных республик. Если же вести речь о дореволюционной России, то региональные центры никогда не упоминались как столичные.

Тем не менее, по объективным обстоятельствам те или иные региональные центры в силу своего местного экономического, демографического, военно-административного и иных потенциалов выделялись из общей массы аналогичных образований. К ним у имперского центра было особое отношение, правда, не имевшее до поры до времени вербальной маркировки. Уездные центры допетровской России, формально равностатусные, имели свою неформальную иерархию и *de facto*, например, никому из приказных дельцов в центре не приходило в голову считать ровней уездный город Березов, затерянный в тундрах и лесотундрах Северо-Западной Сибири с уездным городом Казанью, или уездный город Ярославль с уездным городом Обоянью. В результате первых административных реформ петровского времени официальная иерархия усложнилась. Объективно наиболее значимые города получили статус губернских и провинциальных центров (вторые по факту уже в ходе первой областной реформы, юридически — в ходе второй областной). Наиболее значимые региональные и локальные центры прежде всего выделялись из остальных населенных пунктов тем, что группировали вокруг себя более мелкие города и сельские поселения, которые «тянули» к ним, то есть находились по отношению к ним в подчиненном положении в административной, налоговой, церковной сферах и в области местного самоуправления. Если брать территориально близкие нам примеры, то классическим образцом такого рода может быть Хлынов (Вятка). Исстари к нему «тянули» четыре «пригородка»: Слободской, Шестаков, Котельнич и Орлов. Даже когда эти города становились уездными центрами, старшинство Хлынова оставалось

неоспоримым, и в конце концов они в качестве уездных городов вошли в Вятскую провинцию, центром которой ожидаемо стал Хлынов.

Совсем другую историю демонстрирует Екатеринбург. Город был построен «с нуля» и начинал свою историю с чистого листа. Сразу оговорюсь, что использую по отношению к Екатеринбургу термин «город» по нескольким причинам. Во-первых, Екатеринбург по всем существующим критериям изначально соответствовал статусу города, за исключением двух позиций: в нем почти не существовало гражданской общины, хотя зачатки таковой проявлялись в нем изначально. Это были торговцы и вольные ремесленники, снабжавшие население завода-крепости продуктами питания и предметами быта. С 1727 г. в этой среде появляются и некоторые признаки самоуправления: выборный «заводской купчина», штатный «главный снабженец всех заводов Екатеринбургского ведомства» [3, с. 48]. Генерал Геннин признавал значимость этой общины и оберегал ее от посягательств со стороны екатеринбургских горных чиновников: «... Уведомился я, что у здешних... жителей, лавошников и бобылей, также у шарташских и становских (которые поселены для ползы завоцкой), и обретающихся здесь мастеровых и работных людей и протчих служителей, коих для того надлежит беречь и излишнюю тягость им не наносить, много стало быть командиров, и всяк оных высылают якобы в завоцкие работы... Того ради впредь никому оных жителей... без ведома моего или обер-бергамского члена нарезать не в какие работы и высылать не велеть...» (14 июня 1732 г.)¹.

Община эта быстро разрослась и уже в 1735 г. обладала развитой системой посадского самоуправления. А несколькими годами ранее, в 1733 г., жители Екатеринбурга, не относившиеся к категории заводских работников, начали использовать понятие «Екатеринбургское земство»².

Не было у Екатеринбурга и официально дарованного статуса города, который он получил только в 1781 г. Но так ли это было важно? Екатеринбург — поселение нового типа; его столичный предшественник и аналог — Санкт-Петербург, тоже изначально представлял собой крепость и производственный комплекс, Адмиралтейскую верфь. Его основным населением «были военные и строители; дворян, купцов и ремесленников жило здесь очень мало» [1, с. 4], и никаких органов посадского самоуправления поначалу не было. Но это не мешает признавать его городом. Если же вспомнить простое и емкое определение Вернера Зомбарта, что город — это «любое поселение людей, существование которых зависит от продуктов сельского хозяйства, ведущегося за его пределами» [цит. по: 4, с. 44], то дискуссия о городском характере начального Екатеринбурга покажется искусственной.

Строитель Екатеринбурга, В. И. Геннин, поначалу пользовался вербальной конструкцией «крепость и завод» или просто «крепость», обозначая ею созданный комплекс³. Однако уже с 1724 г. за новоосвоенным поселением прочно закрепляется наименование Екатеринбург, без уточняющих «крепость и завод», а под «Екатеринбургскими заводами» подразумеваются новые заводы в окрестностях Екатеринбурга, вроде Верх-Исетского (цесаревны Анны) или Верхне-Уктусского (цесаревны Елизаветы). Главенствующая роль Екатеринбурга проявилась вне системы традиционного административно-территориального деления. Расположив в нем Сибирский обер-бергamt, первый и, пожалуй, единственный на то время региональный орган отраслевого управления, Геннин получил под его начало и соответственно под начало Екатеринбурга реальную эксклюзивную территорию — обширные приписные села, слободы и деревни, что сразу придало Екатеринбургу статус значимого центра. Воспользовавшись новым административно-территориальным законодательством 1719–1720 гг., еще В. Н. Татищев сгруппировал подчиненные земли в дистрикты — единицы уездного уровня; первоначально их было два: Уктусский и Алапаевский, при В. И. Геннине их стало четыре (с учрежденными Каменским и Камышловским). В отличие от многих старых уездов, лишь переименованных в дистрикты, горнозаводские административно были устроены

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 354. Л. 205.

² Там же. Д. 151. Д. 321.

³ Как, например, в известном письме императрице Екатерине от 14 марта 1723 г. [2, с. 91] или в доношении в кабинет Е.и.в. от 22 октября 1723 г. [Там же, с. 130].

в полном соответствии с новым законодательством. Их главы, земские комиссары, обладавшие полномочиями прежних городских воевод, обзавелись штатом подчиненных и мостовых комиссаров, а общая организация этих дистриктов была устроена по принципу функциональной специализации. В подчинении земских комиссаров оказались специальные заводские комиссары, отвечавшие за производственный процесс заводов, функционировавших на территории дистриктов [5, с. 333–340]. Все это в совокупности подняло статус Екатеринбурга, как минимум, до уровня провинциального центра, главенствующего как над собственной территорией, «Екатеринбургским ведомством», так и над заводами и бывшими при них поселениями, располагавшимися на обширных землях от Вятки и Соликамска до Нерчинска. Чуткое административное делопроизводство немедленно отреагировало на новую реальность. Документы из канцелярий провинциальных городов, вроде Хлынова и Соликамска, и даже канцелярии губернского Тобольска стали поступать в «Сибирский обер-бергamt в Екатеринбург» в виде *промеморий* — документов, которыми обменивались между собой равностатусные учреждения.

Таким образом, практически со времени своего возникновения, не имея официального статуса города, Екатеринбург стал таковым, причем в ранге, как минимум, провинциального, если не губернского ранга. От «классических» провинциальных и губернских городов его отличала только отраслевая подчиненность. Если это угодно считать «региональной столицей», то Екатеринбург мог претендовать на это наименование, что называется, от рождения.

Литература и источники

1. Базарова Т. А. Планы петровского Петербурга: источниковедческое исследование. СПб., 2003.
2. Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / вступ. статья и комм., сост. М. О. Акишин. Екатеринбург, 1995.
3. Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг). Екатеринбург, 2001.
4. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. СПб., 2010.
5. Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007.

Dmitry A. Redin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS

(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: landrat14@mail.ru

WHAT IS A “REGIONAL CAPITAL”? THE STATUS OF EKATERINBURG IN THE FIRST THIRD OF THE 18th CENTURY

Not considering it successful to apply the definition of “regional capitals” to pre-revolutionary large urban centers, the author of the report gives arguments that make it possible to regard Ekaterinburg from the beginning of its functioning as a city and an influential regional center of the provincial/governorate level, which differed from the rest only in its departmental subordination.

Keywords: Ekaterinburg, city, V. I. Gennin, administrative-territorial structure, sectoral subordination